

Некоторые вопросы современной наказательной политики России

Дикаев С.У.

доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России, полковник милиции

Рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правовой политики государства в условиях «кризиса наказания». Доказывается, что наказательная политика в настоящее время направлена на максимальное извлечение прибыли от преступности, что государству выгодно, чтобы в обществе воспроизводился высокий уровень правонарушений. Автор отстаивает идею восстановления в УК конфискации имущества лиц, осуждаемых за корыстные преступления хотя бы до завершения периода экономических и политических реформ. Выход общества из «кризиса наказания» видится ему на пути изменения практики тотального вмешательства государства во все случаи возникновения уголовно-правовых отношений, предлагается трехуровневая система их регулирования.

На протяжении многих веков ученые задаются вопросом о способности уголовного наказания, каким бы жестким и жестоким оно ни было, решить проблему преступности. В середине XX в., наконец-то, человечеству стало ясно, что наказание, установленное в публичном праве, не является панацеей от преступности, что оно больше не выступает в качестве (возможно, что оно никогда им и не выступало) сдерживающего преступность фактора. Рост преступности во всех странах мира – показательный пример того, что социальный механизм самоорганизации общества, позволяющий держать преступность в безопасных для общественного развития масштабах, не эффективен. Даже повышение общего благосостояния, расширение свободы и демократии, гуманизация государства, ослабление контроля над гражданами не только не уменьшают рост преступности, а, напротив, способствуют ее увеличению.

Значит, вполне обоснованно можно утверждать о реальности кризиса уголовного наказа-

ния, и эту реальность нужно признать и искать решение этой проблемы.

Выход из кризисного состояния наказания одни авторы видят в признании кары как цели уголовного наказания, другие – предлагают установить цивилизованные взаимоотношения общества с преступностью, третьи – приспособиться и сосуществовать с преступностью как с неизбежным злом.

Но приспособление к проблеме не есть ее решение. Через некоторое время общество опять столкнется с теми же, а то и с еще более сложными проблемами. Поэтому предлагаемые учеными модели не способны вывести институт уголовного наказания из кризисного состояния. Наиболее верный путь – это поиск причины, приведшей человечество к такому состоянию. Для этого необходимо вернуться к истокам человеческой истории, проследив весь путь развития, установить, на каком этапе был сделан неправильный шаг, чем он был вызван, и попытаться восстановить утраченное.

Я склонен считать, что причинами кризиса наказания являются, с одной стороны, государственная монополия на разрешение уголовно-правовых отношений, с другой, постановка перед уголовным наказанием изначально не достижимых, а значит и ложных, целей.

О необходимости пересмотра целей уголовного наказания автором было уже написано [1, с.70–75]. В настоящей работе я хочу остановиться на проблеме государственной монополии на регулирование уголовно-правовых отношений и высказать свои соображения относительно того, как его, государство, лишить этой монополии и нужно ли это делать.

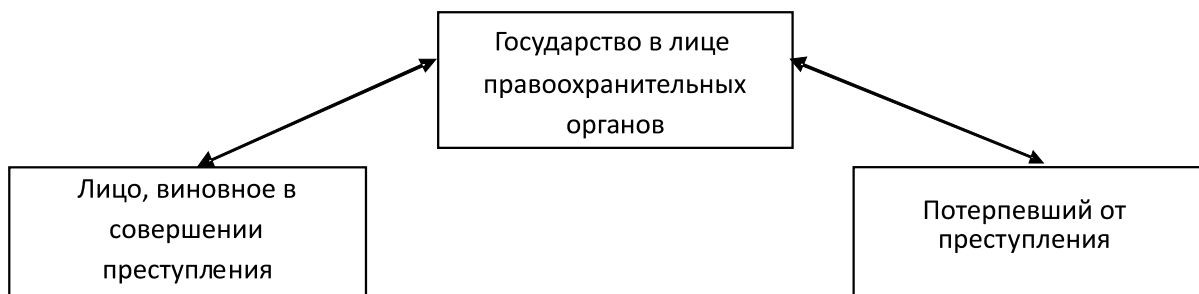
Из истории любого народа видно, что изначально вопросы преступления и наказания человечество решало, исходя из сложившихся в течение многих веков обычаев и традиций конкретного рода или племени. Обычное право предполагает народную дипломатию и реальное существование межличностных, межгрупповых социально-полезных связей, основывающихся на нравственных и этических началах.

Нормы обычного права предусматривали более жестокие наказания [изгой из племени, убийство и съедение, отдача на растерзание диким зверям, позднее – откуп, взятие виновным на себя моральных и (или) материальных обязательств и т.д.], чем нормы современного публичного права. Вместе с тем они также были призваны восстановить социальную справедливость, утратить наказанием, исправить нарушителя обычая. В этом отношении современное публичное право ничего нового не придумало, поскольку уголовные законодательства многих

ялся и до сих пор является бóльшим сдерживающим фактором, чем страх быть осужденным по современному публичному праву, какое бы жестокое наказание оно ни предусматривает. Ведь моральное осуждение затрагивает не только интересы самого виновного, но и его родственников, которым общество вменяет в вину плохое или недостаточно хорошее воспитание, плохой надзор за нерадивым членом своей семьи (сыном, братом, племянником). Тем самым обычное право вызывает моральные обязательства между виновным и потерпевшим, между виновным и родственниками потерпевшего (родителями, детьми), между родственниками виновного и родственниками потерпевшего. Наличие этих связей определяет, что в основе социальных отношений в группе лежат моральные начала.

В публичном праве, как и в праве обычном, виновность имеет определяющее значение для возникновения уголовно-правовых отношений. Но справедлив вопрос: виновность перед кем? Так, например, лицо, причинившее тяжкий вред здоровью потерпевшего, по обычному праву виновато именно перед потерпевшим и его близкими родственниками, а сам этот институт ориентирован на справедливое разрешение возникшего социального конфликта путем восстановления нарушенных прав потерпевшего, а если это невозможно, то путем компенсации за причиненный вред.

В публичном праве почти все случаи совершения преступления рассматриваются как конфликт лица, совершившего преступление, со всем обществом в лице государства. Схематично эти отношения выглядят так:

стран мира закрепляют аналогичные цели наказания. Весь вопрос в содержании целей и в выборе средств их достижения. В тех республиках России, где сильны законы обычного права, страх перед моральным осуждением всегда яв-

Как видно, государство выступает в качества арбитра, требующего решать вопросы ответственности за преступление только через него, от его имени и перед ним. Если лицо виновато перед потерпевшим, а ответственность несет

перед государством и от имени государства, то получается, что потерпевшие автоматически выбывают из уголовных правоотношений, потерпевшие не являются субъектами уголовно-правовых отношений. Это позволяет рассматривать современные уголовно-правовые отношения как форму сведения государством своих личных счетов с нарушителями его запретов, возведенных в форму закона. При этом потерпевший представляет интерес для государства постольку, поскольку необходимо соблюсти некоторые юридические формальности при назначении наказания виновному в совершении преступления. С тех пор как государство само наделило себя правом назначать наказания за преступления, оно всегда делало это, преследуя собственные интересы. Государство, как и любой другой посредник в экономических отношениях, очень дорого обходится, прежде всего, потерпевшему от преступления. Он вынужден платить за преступность тройную цену: а) он терпит ущерб от преступления; б) он платит налоги за содержание государственного аппарата правопорядка; в) он вынужден претерпеть массу неприятностей, связанных с расследованием преступления и отправлением правосудия.

Логика российского (советского) законодателя, монополизировавшего право разрешения уголовно-правовых отношений, легко просчитывалась в период царизма, когда посредством каторжан осваивались необъятные просторы Родины. А в периоды индустриализации и плановой экономики сотни тысяч людей по надуманным основаниям осуждались и использовались как дешевая рабочая сила при создании государственного, то есть ничейного богатства, при освоении природных богатств, строительстве заводов, фабрик и т.д. В условиях рыночной экономики наказательная политика государства имеет ту же направленность – максимальное извлечение прибыли от преступности (также как и от других человеческих пороков). Только делается это сейчас не так грубо, как раньше (из-за технического прогресса теперь не требуется много рабочих рук), а весьма ухищренно – путем изменений законодательства. Это хорошо видно на примере тех новаций, которые были внесены в УК РФ Федеральным законом № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 года [6].

Для иллюстрации в качестве примера рассмотрим изменения уголовного закона, касающиеся штрафа. В частности, названный закон, вводя денежный штраф в рублевом эквиваленте, определяет его пределами от 2,5 тыс. до 1 млн. рублей (за преступления небольшой или средней тяжести штраф от 2,5 до 500 тыс. руб.). Проанализировав некоторые данные официальной статистики о совершенных преступлениях, попытаемся вычислить «ожидаемую» прибыль от преступности.

Так, в 2005 году в России было зарегистрировано 1 млн. 572 тыс. 996 случаев краж (прирост составил 23,2%). А в 2006 году – 1 млн. 676 тыс. 983 таких преступлений.

Санкция ст. 158 УК (кража) составляет в части первой от 2500 до 80 тыс. рублей, в части второй – до 200, в части третьей – от 100 до 500 тыс. рублей, а в части четвертой – до 1 млн. рублей.

Нетрудно подсчитать, что при назначении судами за все случаи совершения краж только нижнего предела штрафа – 2500 рублей, бюджет государства за 2005 год предположительно мог пополниться на сумму равную чуть менее 4-м миллиардам рублей, а в 2006 году – более 4-х миллиардов рублей.

А если произвести расчеты, исходя из минимальной суммы штрафа, предусмотренного санкцией ч. 3 ст. 158 УК РФ (100 000 руб.), а их совершено: в 2005 году – 676 тыс. 933, в 2006 году – 625 тыс. 980 преступлений, то, соответственно, доход государства составил бы в 2005 году более чем 67,7 млрд рублей, а в 2006 году – около 63 млрд рублей.

Как это не парадоксально, но вывод напрашивается сам по себе – государству выгодно, чтобы общество воспроизводило массу преступлений и правонарушений. А поскольку это так, то действенной политики в сфере противодействия преступности и профилактики различных девиаций от нее ожидать не приходится. Конечно, пока еще далеко не ко всем виновным применяется наказание в виде штрафа. Специальные исследования дают ясные представления о том, что, например, в Санкт-Петербурге в 2004 году процент применения штрафа составил 0,6% [5, с.21].

Столь редкое обращение судей к штрафу отчасти может быть объяснено тем, что на

практике они довольно часто сталкиваются с отсутствием работы и денежных накоплений у подсудимых, вследствие чего применение отмеченных видов наказания оказывается невыполнимым. Хотя ученые, опираясь на опыт зарубежных стран, обосновывают вывод о том, что именно денежные наказания представляются наиболее желательными альтернативами по отношению к лишению свободы, следует отметить, что в условиях современной российской действительности данный тезис «срабатывает» не всегда [7]. Так, специально проанализировав уголовные дела, по которым суд назначил наказание в виде штрафа, можно делать вывод о том, что все виновные являлись добросовестными работниками, имеющими небольшие, но стабильные заработки, и что штрафные санкции «бьют», в первую очередь, по добросовестным труженикам, примерным гражданам [2].

Действительно, труженик, которому присуждена эта мера наказания, попадает в весьма трудное положение, так как оплатить штраф даже в 100 тыс. рублей при низкой заработной плате абсолютному большинству россиян не под силу. При нынешней средней зарплате по России виновный в течение года должен бесплатно работать исключительно на государство. Это было бы оправданным, если бы данная мера наказания назначалась в интересах потерпевших. Однако последние в этом процессе «сведения счетов государства и преступника» довольствуются только своим статусом уголовно-процессуального положения потерпевшего. Если у некоторых из них хватает сил и средств, – добиваются компенсации (как правило, частичной) причиненного вреда в соответствии с гражданским законодательством либо ждут возмещения ущерба по исполнительным листам. Между тем ст. 52 Конституции России гласит: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Получается, что и Конституция России, являясь актом прямого действия, содержит неработающую и фактически постоянно нарушаемую государством норму.

Но как ревностно охраняет государство собственность самих ворюшек.

Законом от 8.12.2003 года из УК РФ без какого-либо научного обоснования была исключена существовавшая в качестве дополнительной меры наказания конфискация имущества. Хотя есть серьезные основания подозревать законодателей в том, что сделано это было небескорыстно, но наказательная политика России в результате стала выглядеть как политика гуманизации уголовного законодательства. На самом деле гуманизация касается лишь лиц, которые на волне демократии сколотили себе огромные состояния, приобретение которых не могло не быть преступным, и единственным способом возвращения похищенных ценностей государству при данных обстоятельствах являлась конфискация имущества лиц, осуждаемых за корыстные преступления, в чем было и по сей день остается заинтересованным большинство населения страны.

Результаты опроса населения показывают, что 97% из них считают, что конфискация имущества как мера наказания должна быть в УК. При этом характерно, что все они считают себя малообеспеченными. Те 3% из числа опрошенных, которые полагают исключение из УК конфискации имущества правильным решением, считали себя обеспеченными людьми. Полагаю, что решение об исключении из УК конфискации является политическим решением, призванным стабилизировать политическую и экономическую ситуацию в стране. Вместе с тем отсутствие в УК конфискации имущества как меры наказания гарантирует нуворишам спокойное существование без боязни ответственности и лишения нажитого преступным путем имущества, даже если конфискация будет возвращена в УК в прежнем режиме. Ведь, как известно, закон, ухудшающий положение осужденного, обратной силы не имеет.

Если уплата штрафа в один миллион рублей (примерно 40 тыс. долл. США) для нуворишей не такая уж страшная мера наказания, то для абсолютного большинства российских граждан размеры этих штрафов являются воистину «драконовскими». Такое законодательное установление можно рассматривать как государственную гарантию социального статуса нищих и состоятельных, при котором состоятельные люди не потеряют своего состояния,

а неимущие могут лишиться и того, что у них есть. Ведь им нужно будет как-то выплачивать штраф, нередко это будет сопровождаться продажей нажитого имущества.

Европейские государства в современный период стремятся строить свое уголовное законодательство, исходя из идеи правового государства, общечеловеческих ценностей, гуманизма, приоритета норм международного права. Уголовные законы западноевропейских стран предусматривают различные виды наказаний, не связанных с изоляцией преступника от общества. В странах Западной Европы доминирует точка зрения о том, что такая карательная мера, как лишение свободы, малоэффективна, негуманна и неспособна стать действенной защитой для общества и государства от преступных посягательств. В большинстве развитых в промышленном отношении государств Западной Европы самыми распространенными уголовными наказаниями являются штраф и конфискация имущества. По мнению многих юристов, применение этих мер в качестве уголовного наказания выгодно государству. Во-первых, эти виды наказаний, в отличие от тюремного заключения, не оказывают чрезмерно негативного влияния на преступника, во-вторых, их исполнение не требует отвлечения больших финансовых средств из государственной казны, и в-третьих, эти виды наказаний сами являются хорошим источником пополнения государственного бюджета.

Следует отметить, что отказ от конфискации как меры уголовного наказания является современной мировой тенденцией. Так, согласно ст. 17 Конституции Аргентины, конфискация «навсегда исключается из Уголовного кодекса Аргентины». Однако Бразилия, отказавшись от конфискации в 1824 году, вернула его в УК в 1988 году. Например, в Индонезии запрещена полная конфискация. В Колумбии, согласно Конституции (ст. 34), запрещаются конфискация (исключая имущество, приобретенное в ущерб общественному имуществу или с «грубым нарушением социальной морали»). Мексиканская Конституция (ст. 22) запрещает применение не только конфискации, но и чрезмерных штрафов [4].

В Германии, в 2002 году, решением Конституционного Суда признан ничтожным § 43а

(имущественный штраф). В этом направлении развивается законодательство некоторых республик бывшего СССР (Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана). В других из них (Грузии, Азербайджане) эта мера наказания исключена из УК уже несколько лет назад.

Эту тенденцию для постсоветского пространства можно рассматривать как государственную политику легализации преступно нажитого в ходе реформ капитала.

Если для европейских стран отказ от института конфискации можно считать и вполне приемлемым по причине того, что первоначальное накопление капитала производилось столетия назад, то для государств постсоветского пространства отказ от конфискации является, по меньшей мере, преждевременным. Процесс передела собственности в республиках бывшего СССР еще далек от завершения, и в законодательстве имеется множество лазеек для преступного обогащения. Кроме того, у народов бывшего СССР еще свежа память о неисчислимых бедствиях и лишениях, которые пришлось им претерпеть в то время, когда происходил преступный передел государственной собственности. Многие из тех, кто преступно нажил капитал на волне ликвидации СССР, демократизации и передела общенациональной собственности не только еще живы, но и, легализовав нажитые капиталы, продолжают его приумножение, эксплуатируя природные богатства и мало беспокоясь о благополучии нации.

Можно предположить, что конфискация, как мера уголовного наказания в России восстановлена в УК не будет. Хотя полагаем, что для российского уголовного законодательства конфискация имущества является традиционной и проверенной временем дополнительной мерой наказания, и ее отмена преждевременна и криминологически не обоснована. Полагаем, что она должна быть восстановлена в УК России в прежнем статусе хотя бы до завершения экономических и политических реформ в России.

Теперь – что нужно сделать, чтобы лишить государство монополии назначать уголовные наказания.

Решение по выходу общества из кризиса наказания видится в изменении сложившейся порочной практики тотального вмешательства

государства во все случаи возникновения уголовно-правовых отношений. Для чего предлагаем ввести трехуровневую систему регулирования этих правоотношений.

Первый уровень предполагает выделение в уголовном законе группы преступлений, при совершении которых преступник и жертва сами регулируют конфликт. Здесь потребуется расширить возможности института примирения с потерпевшим, для чего необходимо:

– во-первых, распространить ее действие не только на преступления небольшой и средней тяжести, но и на тяжкие и особо тяжкие преступления;

– во-вторых, в статье 76 УК (освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) слова «лицо... может быть освобождено от уголовной ответственности...» заменить на «лицо... освобождается от уголовной ответственности». Соответствующие изменения необходимо будет внести и в ст. 25 и ч. 1 ст. 28 УПК РФ.

Полагаем, что для применения ст. 76 УК РФ необходимо полное заглаживание вреда виновным до освобождения от уголовной ответственности, что должно быть главным условием признания примирения добровольным со стороны потерпевшего. В случаях же частичного заглаживания вреда или в случае принятия виновным на себя обязательств в будущем заботиться о потерпевшем или его детях необходимо применять иные способы поощрения виновного лица, примирившегося с потерпевшим: смягчение наказания (ст. 61 УК РФ), назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено в санкции на основании ст. 64 УК РФ или условное осуждение (ст. 73 УК РФ).

В тех случаях, когда лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, при наличии этого обстоятельства оно должно учитываться как смягчающее его вину. Для чего предлагаем следующую редакцию пункта «к» ст. 61 УК РФ:

«к) оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления,

иные действия, направленные на заглаживание вреда, примирение с потерпевшим».

Сказанное вовсе не означает, что государство на этом уровне самоотстраняется и участники правоотношений (преступник и жертва) предоставлены сами себе. Государство остается арбитром в разрешении этого дела и вмешивается в конфликт в следующих случаях:

а) когда участники не могут прийти к согласию относительно способа и условий разрешения конфликта и примирению. Например, совершена квартирная кража, жертва выдвигает изначально несправедливые, завышенные или невыполнимые требования (возместить моральный вред, приобрести новые предметы взамен похищенных и какое-то время использованных предметов, произвести ремонт квартиры и т.д.).

б) когда контрольный или наблюдательный орган (условное название органа) приходит к обоснованному выводу о том, что действия одной из сторон по примирению не были добровольными. Например, имели место угрозы, шантаж или применение насилия к одной из сторон с целью обеспечения сговорчивости.

в) когда необходимо создать и обеспечить условия примирения (принуждение к исполнению сторонами условий примирения). Например, стороны достигают согласия, но впоследствии одна из сторон предпринимает шаги по изменению условий примирения или виновная сторона отказывается выполнять условия соглашения.

г) когда виновное лицо не установлено. В этом случае государственные органы проводят процессуальные действия, в том числе и по установлению или розыску виновного, а разрешение дела откладывается до момента установления виновного. С установлением виновного возобновляется разрешение дела в порядке, предусмотренном первым уровнем.

Этот уровень регулирования уголовно-правовых отношений позволяет сохранить социальные связи между участниками правоотношений, максимально учитывать превентивные возможности обычного права конкретной социальной группы. Учет в регулировании уголовно-правовых отношений превентивно-значимых особенностей социальных групп особенно важен в многонацио-

нальных государствах, так как это способствует сохранению национальной, культурной и иной самобытности группы, управлению ею путем использования понятных этой группе методов воздействия, что обеспечивает, в конечном счете, динамичное развитие государства. Кроме того, такой подход позволит существенным образом изменить наши представления о преступлениях, преступниках и способах регулирования уголовно-правовых отношений. Однако в рамках действующего института примирения не определены ни процедуры осуществления примирения, ни форма контроля за договоренностями между сторонами, ни социально-реабилитационная инфраструктура реализации подобных решений (ст. 25 УПК РФ).

На втором уровне отношения регулируются посредством государства, при этом часть из них регулируется государством с учетом интересов сторон, т.е. пожеланий жертвы и его родственников, преступника и его родственников. В регулировании другой части преступлений (например, преступления без потерпевших) приоритетное значение имеют установления закона и судебское усмотрение.

На третьем уровне интересы сторон конфликта имеют второстепенное значение по отношению к государственным или общественным интересам (государственные, воинские, налоговые преступления, преступления против общественной безопасности, общественной нравственности и т.д., то есть те преступления, жертвой которых по существу является само государство или общество). На этом уровне государство, применяя вид и размер наказания к виновному, может исходить из своих интересов, в том числе и из интересов пополнения государственного бюджета путем применения штрафных санкций. А на первых двух уровнях во главу угла при назначении наказания должны быть поставлены интересы пострадавшей стороны. Если виновный подвергается наказанию в виде, например, штрафа, то вся сумма штрафа или какая-то его часть должна быть взыскана в пользу пострадавшего. Следует отметить, что в соответствии с частью 4 статьи 41 Налогового кодекса Российской Федерации средства, полученные в результате применения мер гражданско-правовой, административной и уголовной ответс-

твенности, в том числе штрафы, конфискации, компенсации, а также средства, полученные в возмещение вреда, причиненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям, и иные суммы принудительного изъятия, являются неналоговыми доходами бюджетов. Вместе с тем, согласно статье 32 Бюджетного кодекса Российской Федерации, все государственные и муниципальные расходы подлежат финансированию за счет бюджетных средств, средств государственных внебюджетных фондов, аккумулируемых в бюджетной системе Российской Федерации. Это придаст подлинный смысл такой цели наказания, как «восстановление социальной справедливости», установленной ч. 2 ст. 43 УК.

Осуждение к лишению свободы, тем более на длительные сроки, должно быть последним средством решения проблемы, применяемым в исключительных случаях – в случаях регулирования отношений третьего уровня. Тогда использование труда осужденных в интересах государства, «драконовские» штрафы и конфискация имущества обретают логический смысл. Для обеспечения государственных интересов по преступлениям, посягающим на основы государственности, таким, как преступления террористического характера, экстремизм, разжигание национальной розни, измена, шпионаж, фальшивомонетничество, наркоторговля, «отмывание» денег и др., нужно ввести в УК и шире практиковать изъятие нажитого (пусть даже честно) имущества и доходов, полученных от преступной деятельности.

Для этого необходимо вернуть в УК России конфискацию имущества.

За последние 15 лет, наибольшее число осужденных отбывали наказание за кражи, грабежи и разбои.

Так, в 2003 г. в России таких преступлений было зарегистрировано 50,8% от общей массы зарегистрированных преступлений, в 2004 г. – 54,2%, в 2005 г. – 55,7%, а в 2006 г. – 54,3%.

Таким же стабильным, начиная с 1996 года, остается и процент лиц, совершивших преступления, при отсутствии постоянного источника дохода: в 1996 г. – 50%, 1997 г. – 54,2%, 2003 г. – 55,7%, 2004 г. – 58,8%, 2005 г. – 60,3%, а в 2006 г. – 59,6%.

Годы	2004	2005	2006
% лиц, совершивших корыстные преступления	54,2%,	55,7%,	54,3%
% лиц, совершивших преступление и не имевших постоянного источника дохода	58,8%	60,3%,	59,6%

Это подтверждает вывод, сделанный норвежским ученым Н. Кристи, который заключается в том, что если большинство осужденных принадлежит к одной социальной категории, можно с уверенностью сказать, что в системе есть серьезный изъян [3, с.143].

Приведенная статистика преступности, вопреки заверениям политиков о повышении уровня жизни, показывает удивительную стабильность как количества преступлений против собственности, так и удельного веса лиц, совершивших преступления, не имеющих постоянного источника дохода. Пока такая тенденция будет сохраняться, любые рассуждения о противодействии преступности малопродуктивны.

Позитивных сдвигов в противодействии преступности (по крайней мере, в снижении корыстной преступности, которая составляет более 50% всех совершаемых в России преступлений) можно добиться путем справедливого решения вопроса «внутреннего распределения» материальных ресурсов. Но современная экономическая политика нашего государства направлена на то, чтобы этого не допустить. Многие видные экономисты и политики задают руководителям России вопрос: «Почему деньги Стабилизационного фонда России работают на экономику США?». Но ответа так и нет, видимо, и не будет. Это дает основание подозревать власти в сговоре с мировой олигархией, сомневаться в искренности их заявлений по поводу повышения благосостояния населения, в правильности их политики вообще, экономической и уголовной политики в частности.

Литература:

1. Дикаев С.У. Цели уголовного наказания и проблемы социальной адаптации лиц, отбывших и отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник экономики, права и социологии. – 2007. – № 2. – С.70-75.
2. Дикаев С.У. Сравнительный анализ европейского законодательства об изъятии прибылей, полученных от незаконной торговли наркотиками // Контроль за оборотом наркотиков и предупреждение преступности в России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СЗ ИПК ФСКН России, 26-27 мая 2005 г. – В 5 частях. Ч.1. – СПб., 2005.
3. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. – СПб., 2003.
4. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. – 3-е изд., перераб. и доп. Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А.Я. Сухарев. – М.: НОРМА, 2003.
5. Силкин В.П. Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.
6. Федеральный закон РФ № 162-ФЗ от 8 дек. 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.
7. Шестаков Д.А. Наказание по Уголовному кодексу России: признаки кризиса // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2003. – № 1 (6).

